

ОБЛАКА

21.06.2016

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

На прошлой неделе, 18 июня, был день рождения одного из самых известных арестантов ГУЛАГа – писателя и поэта Варлама Шаламова. В общей сложности Шаламов провел в лагерях 17 лет и вернулся на Большую землю осенью 1953 года. Вернулся с осознанием своей миссии – вспомнить и описать то, что видел и чувствовал в этом «подземном» мире. Но как донести до читателя ту «зачеловечность», с которой он столкнулся и жил многие годы? До Шаламова это не удавалось еще никому....

«Писатели с удручающей настойчивостью начинают своих героев психологией, далекой от действительности, – писал он в Воспоминаниях. - В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам. Он много примитивнее, чем нам кажется. И даже в тех случаях, когда он образован, он использует это оружие для защиты своих примитивных чувств. В обстановке же, когда тысячелетняя цивилизация слетает, как шелуха, и звериное биологическое начало выступает в полном обнажении, остатки культуры используются для реальной и грубой борьбы за жизнь в ее непосредственной, примитивной форме.

Как рассказать об этом? Как заставить понять, что мышление, чувства, действия человека просты и грубы, что его психология чрезвычайно проста, что его словарь сужен, а чувства его притуплены?»

Шаламову удалось невозможное. Он написал просто о страшном и заставил читателей его «Колымских рассказов» представить то, что представить было невозможно, что было вне их личного опыта. Это не были воспоминания бывшего лагерника, и, как пишет сам Шаламов, «В «Колымских рассказах» нет ничего от реализма, романтизма, модернизма. «Колымские рассказы» – вне искусства, и все же они обладают художественной и документальной силой одновременно.»

Вспоминает шеф-редактор Агентства Франц-пресс в Москве НиколЯ МилЕтич, автор послесловия к французскому изданию «Колымских рассказов»:

Замечательно, когда человек в таких жутких условиях может от этого всего плохого ужасного сделать что-то замечательное – такой контраст, просто... очень сильно, очень ярко. Конечно, трагически, но, если можно сказать – качество просто замечательное. Он писатель хороший. И как он все наблюдает и как он все передает, потому что это не документальное кино. Он писатель, он взял и что-то, наверное, поменял. Но в конце концов результат такой что вот ты читаешь, я читаю, читаешь и просто без слов остаешься. И это не от каждого писателя можешь так сказать.

Варлам Шаламов родился в 1907 году, в Вологде, в семье потомственного священника и учительницы. Уровень образованности родителей и семейная атмосфера многое объясняют в личности и будущей судьбе Варлама Тихоновича, писателя и человека.

Мать, Надежда Александровна, коренная вологжанка – выпускница женской Мариинской гимназии и педагогических курсов при ней; отец Шаламова - Тихон Николаевич, окончил Вологодскую духовную семинарию, был направлен на службу за океан, на Аляску, и 12 лет провел на Алеутских островах в Русской православной миссии. Он владел в совершенстве английским языком, активно участвовал в общественной жизни, организовал общество трезвости. Вернувшись в Вологду, отец Тихон опубликовал множество статей и очерков о своей миссионерской деятельности. Мать Варлама Тихоновича почитала Пушкина, отец же до конца дней оставался поклонником Некрасова.

Шаламов не помнил себя неграмотным. «Я читаю и пишу печатными буквами с трех лет», - это из рассказов о детстве. - «По вечерам за столом, под большой керосиновой лампой-«молнией» читали — каждый своё, а иногда кто-нибудь читал вслух.» В детские годы он разыгрывал в лицах все пьесы, романы, повести, которые прочитал, и все кинокартины, которые просмотрел. Он не мог не стать писателем.

Один из своих колымских рассказов, «Сентенция», Шаламов посвятил Надежде Яковлевне Мандельштам. «По-моему, это лучшая проза в России за многие и многие годы. - написала она ему в ответ. - Читая в первый раз, я так следила за фактами, что не в достаточной мере оценила глубочайшую внутреннюю музыку целого. А может, и вообще лучшая проза двадцатого века».

В то время, как при жизни Шаламова «Колымские рассказы» были известны через самиздат только узкому кругу читателей, за рубежом, по словам современников, они уже «гремели». Продолжает *Николя Милетич*:

Такое литературное произведение, которое потрясло весь мир. Не только советских, потом русских читателей, а вообще людей, который были очень-очень далеко от этих реалов, которые не имели понятия о том, что такое Советский Союз, что такое лагерь, что такое ГУЛАГ и так далее. Потому что он описал это, но он так... просто он талантливый человек. И он успел всю эту грязь, всю эту трагедии, страшные истории ... он написал это почти как ..эпос... Такие рассказы, как Последний бой майора Пугачева – ты это прочитал раз и помнишь всю жизнь. Такие заключенные, которые живут в таких страшных условиях, и все-таки у них осталась какая-то сила, какая-то надежда и их в конце концов решение, что лучше умереть, но попытаться что-то делать, ... но просто у человека в таких жутких условиях осталась что-то человеческое.

Но человеческого в колымских зеках оставалось мало. «Лагерь был великой пробой нравственных сил человека..., - пишет Шаламов, - и девяносто девять процентов людей этой пробы не выдержали.» «Человек становился зверем через три недели — при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях.» Из всех чувств оставалась только злоба, и только единицы каким-то чудом сохраняли в себе нечто большее...

Шаламов очень так пессимистически вообще относится – ну, он всегда говорил так очень пессимистически. А с другой стороны в его рассказах есть такие светлые фигуры. Я помню такой Андреев или пастор Адам Фризоргер, такие замечательные люди – откуда взялись? Почему они остались такими?... Ну, наверное, что для него закон был, что почти все были плохие и какие-то замечательные исключения. Но эти исключений недостаточно, чтобы поменять общую картину.

***

Часто даже те, кто имеет привычку к чтению, признаются, что так и не смогли прочитать его «Колымские рассказы» до конца. Слишком много в них откровений, говорящих о природе человека вообще, они неудобны для читателя, который волей-неволей начинает примерять на себя лагерную телогрейку, оценивать свои собственные силы и искать свое место среди персонажей шаламовских текстов. Нужно мужество, чтобы принять те выводы, которые вынес Шаламов после 17 лет лагерной жизни: что у русского человека «неудержимая страсть» к доносу и к жалобе, и «страсть власти...»; что «мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов, а 95% трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости.»

Про себя он писал: «И физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, — в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса.» Он гордился тем, что с самого начала решил, что никогда не будет бригадиром, «если моя воля может привести к смерти другого человека, если моя воля должна служить начальству, угнетая других людей — таких же арестантов, как я.»

Рассказывает кандидат исторических наук, заведующая музеем Международного Мемориала Ирина Галкова:

В лагерной своей жизни у него были свои принципы, и он говорил, что я никогда не встану над другим человеком. У него была возможность стать бригадиром – ну, вот как там: какие могут быть в лагере стратегии выживания? Можно добиться какой-нибудь там придурочной, начальственной должности. Он пойдет по этому пути... когда ему представится возможность устроиться на медицинские курсы и стать фельдшером. Но стать бригадиром и командовать людьми – тоже были такие возможности – он отказывался всегда. И это был принцип... В такой ситуации, когда речь идет о жизни и смерти - это немаловажный принцип.

***

По мнению американского писателя, лауреата Нобелевской премии, Сола Беллоу, «Колымские рассказы» - это книга, отражающая сущность бытия». У самого Шаламова мы читаем: «<...> лагерь не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни и ничем другим быть не может. <...> Лагерь же – мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном». Продолжает Ирина Галкова:

Суть не в том, что он оказался свидетелем и участником тех кошмаров, которые творились. А в том, что главный кошмар - это то, что происходит в человеческой душе. И, если нет, в формальном смысле, вот этих внешних ужасов, это не значит, что с душой все в порядке. И те же самые процессы, о которых пишет Шаламов на материале того, что ему ужалось пережить в Колымских лагерях, они в скрытой форме происходят и здесь, и сейчас. И об

этом нужно просто догадаться, понять, уловить вот эту ноту, которую он пытается донести. А это главное, что он пытается сказать. Потому что вот это расчеловечивание, которое происходило в лагере, происходило целенаправленно и под давлением, оно обернулось болезнью всей цивилизации. И то, что...происходило в концентрационных лагерях - неважно, советских, не советских – то, что так или иначе продолжает происходить в местах лишения свободы – так или иначе наверняка – оно изменило общество, изменило характер мышления, и хотим мы этого или не хотим, оно присутствует в сознании современного человека.

Почти о том же пишет и Валерий Есипов, исследователь жизни и творчества Шаламова: «Сверхзадача рассказов — не только и не столько обличение. Глубже всего писателя волнуют проблемы онтологического зла, разлитого в человеческом обществе и в самых обнаженных формах проявившегося в лагерном бытии...». Доктор философских наук, искусствовед Евгений Громов (ныне покойный) делает на основе шаламовских текстов неутешительный вывод: «Ни на воле, ни за колючей проволокой люди в массе своей не хотят по-настоящему сопротивляться злу вне их и, что особенно страшно, внутри них самих.»

Для того, чтобы с чем-то справиться, преодолеть, нужно это осмыслить. Осмыслению помогает знакомство с жизнью и творчеством Варлама Тихоновича. У Шаламова эти два понятия были нераздельны. Для него жить, вернуться к жизни - значит писать, вновь обрести язык, который был утрачен в лагере. Об этом и авторская выставка, которую создали немецкие филологи Кристина Линкс и Вильфрид Шеллер. Ее название «Жить или писать. Варлам Шаламов». Она подготовлена при поддержке международного общества «Мемориал» и сайта шаламов.ру. До февраля следующего года выставка демонстрируется в помещении «Мемориала» в Москве по адресу Каретный ряд, д. 5/10 – ежедневно, кроме выходных, с 11 до 19 часов. А на Гоголевском бульваре открылась уличная выставка, рассказывающая о московской жизни писателя.

***

«Я такой задался целью:
Бесперывно шелестеть,
Шелестеть ледяной метелью,
Ледяные песни петь...»

Колымский лед присутствует постоянно в творчестве Шаламова. «Колыма в моей душе в любой жар», - писал он.

«Я – северянин, я ценю тепло,
«Я различаю – где добро и зло».

Несмотря на трагически-скорбные ноты творчества Варлама Шаламова, «страшное свидетельство о том, что "люди сделали людям", написано поэтом. – пишет историк Михаил Геллер. «Быть может, именно это делает книгу Шаламова не перечнем ужасов, а подлинной литературой. Пронизывает "Колымские рассказы" надеждой... Природа и поэтическое слово — последняя надежда человека. Память об этом сохранил Варлам Шаламов».

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

Вы слушали программу Облака. Всем привет.